

Какъ быть?

Все, кажется, подвинулось впередъ, всюду жизнь начинаетъ принимать новыя свѣжія формы, только духовенство продолжаетъ оставаться на старыхъ началахъ своего матеріальнаго обезпеченія, только этотъ острый и больной вопросъ нашего быта остается открытымъ .. Сколько горячихъ нервныхъ рѣчей обсуждало его, сколько сильныхъ доводовъ приводилось въ доказательство всей невозможности существованія духовенства на прежнихъ началахъ его обезпеченія, сколько жгучихъ обидъ и горькихъ слезъ вызывала этотъ вопросъ, но... все остается по прежнему, если не сдѣлалось еще хуже. Да, именно стало хуже, и съ этой точки зрѣнія духовенству невыносимо становится жить. Голодный годъ со всѣми его печальными послѣдствіями отразился и на бытѣ духовенства: крестьяне, частію подъ вліяніемъ голода, а частію подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей деревенскихъ агитаторовъ, сокращаютъ до послѣдней степени свою плату за требы, бываетъ, совсѣмъ не платятъ, а иногда и грубостью отвѣчаютъ на этотъ вопросъ.

На грустныя мысли наводитъ такое положеніе вещей, невеселыя картины рисуются въ воображеніи, и встаетъ въ душѣ неотвязный, неотразимый вопросъ: „что будетъ потомъ, если насъ оставятъ въ томъ же положеніи; какъ тогда поборотъ и устранить эту путаницу, эту бессмыслицу въ нашихъ отношеніяхъ къ мужичку?“ А сколько бываетъ минутъ нравственной борьбы и пытки, когда приходитъ къ тебѣ дѣйствительно бѣдный, разоренный нуждою, крестьянинъ и со слезами на глазахъ просить вдолгъ совершить для него какую-нибудь потребу? Видишь его нужду, готовъ самъ плакать слезами надъ его несчастіемъ и сдѣлать для него все, что можно. Но съ другой стороны вспомнишь, что ты не одинъ, у тебя есть причтъ, семьи котораго тоже скоро будутъ голодать не хуже этого мужичка, — и поднимается въ душѣ глухая, безсильная борьба, и стоишь ты безмолвно предъ мужичкомъ въ полномъ безсиліи и жалкомъ недоумѣніи, не находя словъ, что ему сказать. Да простить меня читающій эти строки за повтореніе этой избитой празды, которая почти ежедневно является воочію каждому пастырю; но мнѣ, молодому священнику, такъ это больно, такъ невыразимо тяжело, что, право, нѣтъ силъ молчать. Не такъ представлялась жизнь издали, не въ такой окраскѣ носился въ воображеніи образъ идеальнаго сельскаго пастыря, когда мы лелѣяли его въ тайникахъ своей души на школьной скамьѣ. Объ этой прозѣ, о добываніи куска насущнаго хлѣба мы не думали и не хотѣли думать, все это казалось мелочью, не стоящею вниманія. Да, не то мы думали!.. Думалось принести на алтарь пастырства всѣ лучшія силы души, полюбить свою дорогую паству всей силой непобѣдимой пастырской любви и работать, работать на пользу ея до конца, пока гдѣ-нибудь въ церковной оградѣ, подъ большими густыми березами или липами опустятъ въ сырую могилу, орошенный задушевыми слезами твоей паствы, твой помертвѣлый прахъ.. Не то оказалась жизнь: не тласкающими пѣснями убаюкиваются своихъ тружениковъ, а дикимъ

всемъ вѣтра и рѣзкимъ звукомъ всевозможныхъ жизненныхъ диссонансовъ провожаетъ она борцовъ своихъ въ жизнь, на путь къ намѣченнымъ благороднымъ цѣлямъ. Но много-ли въ жизни тѣхъ благородныхъ и сильныхъ, которые устояли бы твердо предъ бурями жизни и съ честью проходили бы свой путь до конца? Такихъ не очень много, но большею частію мы слабые, немощные, „нищія духомъ“. Но и мы хотимъ жить, осмысленнымъ трудомъ хотимъ трудиться и къ благороднымъ цѣлямъ идти. А что можетъ быть выше нашего дѣла, что можетъ быть возвышеннѣе той цѣли, къ которой мы идемъ и ведемъ? Но мы жаждемъ другихъ условій, при которыхъ и плоды нашей дѣятельности были бы не то, что теперь. Дайте намъ кусокъ хлѣба, но только не смоченный ни нашими, ни мужицкими слезами, и онъ не встанетъ поперекъ горла и не уколеть нашу совѣсть мучительнымъ сознаниемъ! Поставьте насъ въ сносныя условія матеріальнаго обезпеченія, и мы не будемъ „притчей во языцѣхъ!“ Дайте намъ то, чего мы стоимъ, чего заслужили по своимъ трудамъ, но дайте благородно, не по-нищенски, не унижая нашего достоинства, и мы сумѣемъ быть благодарными на дѣлѣ! Это голосъ всего духовенства, это крикъ наболѣвшей души, — да пронесется онъ громко и жалобно по лицу родной земли и да сольется онъ въ общемъ хорѣ народной нужды, и силенъ и могучъ!...

Къ намъ предъявляютъ всевозможныя требованія, нашу жизнь, наши поступки, наши отношенія къ мужику критикуютъ и разбираютъ до мельчайшихъ подробностей, на насъ возводятъ всевозможныя обвиненія и устно и въ свѣтской печати; но никто не хочетъ понять, возможны-ли нормальныя отношенія къ мужику при современной нашей зависимости отъ него въ матеріальномъ отношеніи, никто не хочетъ подойти поближе къ нашей жизни и посмотрѣть, дѣйствительно ли она такъ привольна, сыта и безпечна, какъ любятъ ее рисовать на столбцахъ современныхъ газетъ, и можно-ли быть пастырю въ глазахъ его паствы на высотѣ своего величія, ко-

гда матеріальный вопросъ такимъ игомъ лежитъ на его прихожанахъ и такъ безконечно тяжелъ ему самому! Никому нѣтъ дѣла до жизни духовенства и до его печалей, никто не хочетъ знать и о тѣхъ нравственныхъ мукахъ, какія вызываются „доброхотными даяніями“ за его труды. Всѣ, раздраженно указывая на духовенство, упрекають его въ жадности и корыстолюбіи, всѣ кричатъ о его унижительныхъ поборахъ и съ какой-то злобой заявляютъ, что духовенство уже не въ силахъ послѣ этого быть носителемъ живого слова и отвѣчать своему конечному назначенію: „имъ-ли, погрязшимъ въ сутяжничествѣ и стяжаніи, итти съ крестомъ и горячей проповѣдью противъ убійствъ и грабежей?!“ (Руск. Голосъ № 214). Вотъ голосъ свѣтской интеллигенціи и характеристика господствующаго мнѣнія ея о пастыряхъ церковныхъ. Какъ онъ больно бьетъ по сердцу, какъ жутко и страшно становится, когда прислушиваешься къ этому озлобленному вою разыгравшейся бури. А что насъ свело въ одну категорію съ корыстолюбцами и тяжателами, какъ не способъ нашего нищенскаго обезпеченія?! Что насъ унизило, что свело съ пьедестала пастырскаго величія, какъ не то же самое протягиваніе руки за милостью „доброхотныхъ даяній?!“ Что раздражило противъ насъ общество и оклеймило насъ позоромъ „обираль и дармоѣдовъ“, какъ не тотъ же избитый, острый и неотвязный вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи?! Мы-ли виновны теперь въ томъ, что поставлены въ такого рода условія, откуда нѣтъ иного выхода, какъ тотъ путь „доброхотныхъ даяній“, которымъ мы осуждены итти? Мы это знаемъ, мы видимъ, гдѣ корень этихъ нападковъ, но безсильны что-либо сдѣлать. И даже дѣти наши видятъ весь трагизмъ нашего положенія и идутъ подальше отъ нашего пути, потому что слишкомъ уже ярко обрисовался за послѣднее время на фонѣ общественной жизни нашъ духовный бытъ и слишкомъ устарѣвшимъ и отжившимъ показался способъ нашего обезпеченія.

— Откуда же ждать выхода из нашего поистиннѣ трагическаго положенія? Кто-же замѣнитъ намъ старый и отжившій способъ обезпеченія новымъ и болѣе благороднымъ? До сихъ поръ большинство изъ духовенства лелѣетъ мечту о назначеніи ему казеннаго жалованья, которое избавило бы его отъ необходимости брать за требы съ прихожанъ. Но что-то ниоткуда нѣтъ никакихъ извѣстій, подтверждающихъ эту мысль, что-то не вѣрится въ возможность осуществленія этой мечты, тѣмъ болѣе, что свѣтская печать не желаетъ и слышать объ этомъ. Вотъ что пришлось прочесть на страницахъ одной газеты по этому поводу. „Мысль (о назначеніи духовенству казен. жалов.) довольно неудачная какъ по существу, такъ и по отношенію къ переживаемому моменту Россіи. Содержаніе духовныхъ лицъ на средства казны, т. е. признаніе ихъ государственными чиновниками, равносильно откровенному закрѣпленію зависимости церкви отъ государства.. Единственнымъ, канонически нормальнымъ и терпимымъ способомъ содержанія служителей религіи можетъ быть обезпеченіе ихъ самимъ обществомъ вѣрующихъ изъ своей приходской казны.“ (Руск. Гол. № 214). Значитъ, насъ посылаютъ къ тому же самому источнику, изъ котораго мы питаемся и теперь, слѣдовательно, насъ обрекаютъ на тотъ-же позоръ „доброхотныхъ дацій“, который невыносимъ намъ и въ настоящее время. Впрочемъ это мнѣніе нельзя признать компетентнымъ, это еще не голосъ правительства, а группы лицъ, можетъ быть и съ церковію ничего общаго не имѣющихъ, правительство же, быть можетъ, взглянетъ на дѣло иначе. Но это все еще дѣло будущаго, теперь же этотъ матеріальный вопросъ начинаетъ быть настолько острымъ, что передъ нимъ приходится горько и понуро склонить свою голову, и роковой вопросъ: „какъ быть?“ стоитъ предъ нами со всей своей неотразимостью. Да, на самомъ дѣлѣ, какъ быть? Источниковъ болѣе нѣтъ, кромѣ прежняго, но и онъ изсякаетъ, такъ какъ крестьяне, ссылаясь на голодъ, часто или совсѣмъ не платятъ за требы, или оплачиваютъ ихъ такъ,

что даже стыдно говорить. А наши житейскія нужды такъ же настоятельно даютъ себѣ чувствовать, дѣти наши такъ же хотятъ учиться, содержаніе ихъ требуетъ средствъ... Какъ же быть? Но все же жить „на доброхотныхъ давніяхъ“, право, нѣтъ никакихъ силъ, душа измучилась слышать чуть не послѣ совершенія каждой требы: „пожалуйте“, „убавьте“ и т. п. Сколько пошлости, прозы и грубости вносится при этомъ въ великое и чудное дѣло папства, какимъ кощунствомъ звучитъ тотчасъ послѣ совершенія таинства вопросъ о деньгахъ, и какъ постепенно умираютъ при такомъ положеніи вещей наши идеальныя мечты! Но выхода нѣтъ больше, иначе нельзя... И въ этомъ весь трагизмъ положенія, исходная точка нашихъ недоразумѣній съ мужичкомъ.

Услышится-ли этотъ вопль наболѣвшей души тѣми, кому услышать слѣдуетъ, или онъ замретъ, какъ печальный звонъ унылаго колокола,—все равно: мы будемъ ждать, что чья-либо рука избавитъ насъ отъ ига нищенскихъ, вынужденныхъ даваній. Мы будемъ ждать и надѣяться, что настанетъ и для духовенства новая жизнь, что будетъ и оно работать въ иныхъ условіяхъ. И забудемъ мы тогда всѣ свои униженія и оскорбленія, и будетъ тогда свѣтлое время святой, не смущенной молитвы и спокойнаго разумнаго труда...

Священникъ *Сергій Петровскій*.

ПОЖАРЪ ГОРОДА СЫЗРАНА.

I.

Наблюденія изъ-за Волги.

5 іюля сего 1906 года часовъ въ 12 дня мнѣ было сообщено, что въ г. Сызранѣ пожаръ. По примѣру много разъ бывшихъ въ Сызранѣ пожаровъ, не имѣвшихъ серьезныхъ послѣдствій, я не придалъ этому сообщенію никакого значенія. Послѣ обѣда дѣтишки снова прибѣжали и уже съ безпокойствомъ изъ